

Д.Э. Шноль

Поэтический спецкурс

Зимнее утро

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон! где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого
Не убитого, живого.

.....

Марина Цветаева

По холмам — круглым и смуглым,
Под лучом — сильным и пыльным,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — рдяным и рваным.

По пескам — жадным и ржавым,
Под лучом — жгучим и пьющим,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — следом и следом.

По волнам — лютым и вздутым,
Под лучом — гневным и древним,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — лгущим и лгущим.

Владислав Ходасевич

Улика

Была туманной и безвестной,
Мерцала в лунной вышине,
Но воплощенной и телесной
Теперь являться стала мне.

И вот — среди беседы чинной
Я вдруг с растерянным лицом
Снимаю волос, тонкий, длинный,
Забывший на плече моем.

Тут гость из-за стакана чаю
Хитро косится на меня.
А я смотрю и понимаю,
Тихонько ложечкой звеня:

Блажен, кто завлечен мечтою
В безвыходный, дремучий сон
И там внезапно сам собою
В нездешнем счастье уличен.

Георгий Иванов

Свободен путь под Фермопилами
На все четыре стороны.
И Греция цветет могилами,
Как будто не было войны.

А мы – Леонтьева и Тютчева
Сумбурные ученики –
Мы никогда не знали лучшего,
Чем праздной жизни пустяки.

Мы тешимся самообманами,
И нам потворствует весна,
Пройдя меж трезвыми и пьяными,
Она садится у окна.

«Дыша духами и туманами,
Она садится у окна».
Ей за морями-океанами
Видна блаженная страна:

Стоят рождественские елочки,
Скрывая снежную тюрьму.
И голубые комсомолочки,
Визжа, купаются в Крыму.

Они ныряют над могилами,
С одной – стихи, с другой – жених.
... И Леонид под Фермопилами,
Конечно, умер и за них.

Наталья Крандиевская-Толстая

Дорога в Моэлан

I

На станцию Кемперлей
Забросил экспресс из Дижона
Двух русских беспечных людей,
Наверное, молодоженов.

Покуда справлялся он
О способах передвиженья
(Автобус или фаэтон) –
Жена его в изнеможеньи

От качки ночного вагона
Присела на чемодан.
Свежело. На гравий перрона
Росой оседал туман.

Дымок за туннелью таял.
Но брызнуло солнце вдруг,
Спугнув воробьиною стаю,
И стало светло вокруг.

И снова вокзальная площадь.
Как много на свете их!
«Я думаю, было б проще
Омлет заказать на двоих.

Вот это кафе, дорогая,
Смотри – «Rendez-vous de cochers».*
Жена отвечала, зевая:
«И мне оно по душе».

Салфеткой в красных квадратах
Железный столик накрыт.
Яичница солоновата,
Зато, – какой аппетит!

И мед деревенский клейкий.
«Я нигде такого не ел».

«Подумать, на этой скамейке
Гоген, быть может, сидел.

Гоген по дороге этой
Не раз в Моэлан шагал,
И ветер с его берета
Дорожную пыль сдувал».

«Ты сыта? Garçon? Получите!
А гарсон давно уже сед,
И жестом привычной прыти
Сует чаевые в жилет.

II

Дорога до Моэлана
Мимо фруктовых садов
Мимо цветущих каштанов,
В которых щебечут птицы,
Мимо уютных домов
Под красною черепицей.

Дорогою до Моэлана
Извозчик, старик в канотье,
Рассказывает пространно
О местном житье-бытье.

Он и политик к тому же.
«Пора повернуть колесо.
Дела ведь не лучше, а хуже.
Чего же молчит Клемансо?

Был сын, рыбак на Нордкапе.
Но в шторм прошлогодний погиб.
Кобылу в соломенной шляпе
Он дергает: «гип-гюип!»

Дорогою до Моэлана
Нырять в пыли экипаж.
О, этот благоуханный
Деревенской Бретани пейзаж!

Дорога до Моэлана
Теперь утопает во ржи,
Стрекочут над нею стрижи,

И запах струится медвяный
С веселой полоски межи.

А там за межою, как чудо,
Плутая в колосьях ржи,
Парус белый скользит, откуда?
Откуда он взялся, скажи?

Откуда ветер рванулся
И чайки белый лоскут?
Извозчик, смеясь, обернулся,
Над кобылою поднял кнут.

Указал седокам с пригорка
На пески, желтей янтаря,
На белеющие задворки
Моэланова монастыря.

А потом на сверкающий, в пене
Фиолетовый океан...
И кобыла, мечтая о сене,
Торопилась бежать в Моэлан.

III

Ни скатерти, ни салфеток,
Одни лишь тарелки в ряд.
Коралловый мусор креветок,
Изумрудной горой салат.
И сидр молодой в кувшинах.
Осторожней пейте его!
Только трусики на мужчинах,
А на женщинах ничего,

Кроме легких и пестрых халатов,
Обнажающих бронзу рук.
Негритянка в чалме полосатой.
Все молчат и жуют вокруг.

Вновь прибывших ввела сторожиха
И на буйную роспись стен
Указуя, сказала тихо:
«Это сделал месье Гоген».

Вновь прибывших встретили дружно,
Скульптор поднял над сыром нож:

«Для начала попробовать нужно
Местный сыр. Он, клянусь, хорош».

«Нет, на пляже лежать опасно.
Океанские блохи здесь – ад!»
Негритянка сказала страстно:
«передайте салат».

Визави с обожженной кожей
Жадно ест и жадно пьет.
Но любезности ради тоже
Улыбается во весь рот.

«Как, мадам – ученица Бореля?
Он жив еще, старый верблюд?
О-ла-ла! Его акварели...
Вниманье, Жигó несут.

Чуть-чуть отдавало дымком,
Торжественно благоухало
Баранье жигó с чесноком.
И тихо в столовой стало.

IV

Приземистый, словно распластан,
Монастырь у широких волн,
Это Ноев ковчег с паствой,
Католической церкви челн.

В этих кельях когда-то монахини
От земного спасались соблазна.
И в молитвах, трудах и постах они
Длили подвиг однообразный.

Тек широкой струею мед
К настоятельнице в ворота.
Мать Агата любила почет
И дары принимала с охотой.

А монахини жали в поле,
Собирали в корзины плоды
И, покорны Господней воле,
Ждали смертной свой череды.

И дождались. Замшелые плиты
На кладбище о том говорят.

Сколько праведных их, позабытых,
Улеглось здесь за рядом ряд!

За тобою ржаное поле,
Пред тобой – океана ширь.
Над тобою – Господня воля,
Моэланов монастырь!

V

Старожилы, наверное, знают,
Как случилось, что монастырь
Пансионом теперь называют,
Как песчаного берега ширь

Стала пляжем, и как отдыхая
В Моэлане, художник Гоген
Наготовой таитянского рая
Соблазнил целомудрие стен.

«Этот каменный коридор
Назывался когда-то трапезной.
Посмотрите, мадам, на узор
Оконной решетки железной.

Обратите вниманье на шкаф
Деревянной резной скульптуры.
Как забавны эти амурь!»
И головы вверх задрав,

Супруги хвалили прилежно
Шедевры и хлам старины,
Все, чем восхищаться должны
И что хвалить неизбежно.

«А это сны о Таити.
Это Гоген писал.
Налево – Ван-Гог, взгляните.
В Моэлане он тоже бывал.

Моэлан – это символ веры.
Школа дерзости. С давних пор
В Моэлане пишут пленеры
Всем традициям наперекор».

Он был почти, как пророк,
Вдохновенно на даму глядя,

Голый, в трусиках, паренек.
Но сказала художнику Надя

С достоинством и тоской:
«В Москве такого Ван-Гога
У папы на Поварской
Висело довольно много».

Художник ответил: «О-о!»
И что это «о-о!» означало,
Наверно, не понял никто.
Но всем неудобно стало.

Скульптор шепнул: «А ты, Роже,
Не в дураках ли уже?»

VI

Для Роже родина – Камб.
Есть такой городок на Гарроне.
Мальчишкой, учась, в пансионе,
Он вырезал первый эстамп.

Отец был простой винодел.
Сын помнит помост покатый,
Кашу ягод и пятки прицел
Над раздавленной гроздью муската.

Чрево бочек, глухих великанш,
Где Вакх совершал свое дело,
Где вино, рождаясь, гудело,
Таким вспоминал он ванданж.

Но умер отец. И наследства
Не оставил. И кончилось детство.

У дяди в Париже быстро.
Он племянника взял в гарсоны.
Так поставлены были остро
Его юной судьбе препоны.

Но Роже не унывал.
Он рисовал, рисовал, рисовал.

Он рисовал на подносе мелком,
Он рисовал на стене угольком,
Он рисовал на винных счетах,
Он рисовал на бильярдных шарах,

Он рисовал на своей манжете,
Он рисовал на чужой газете,
Всюду, где был он, везде, где дышал, –
Он рисовал.

VII

Устроились на песке.
Кое-как примостив подрамник.
Надя с палитрой в руке
Писала прибрежные камни.
Над Шпенглером муж скучал:
«Этот модный закат Европы...»
«Интересен?» «Он ей отвечал:
«Любопытно. Но не так уже, чтобы...»

И замолк, опустив над очками
Целлулоидовый козырек.
Пена взлетала клочками
И падала на песок.

«Скажи, тебе нравится здесь?»
«Что ж! Места не так уж и плохи.
Уголки живописные есть.
Вот только б не эти блохи!»

А блохи резвились в песке
С кузнечиков величиною.
И Надя сказала в тоске:
«Не знаю я, что со мною».

Я совсем разучилась писать.
На песок швырнула палитру.
«Зачем же себя истязать? –
Муж ответил. – Дай пальчики вытру».

И краски в ящик сложил,
И палитру вытер, как надо,
И вытянув губы, спросил:
«Мне будет за это награда?»

Но ему получить награду
Помешал голых ведьм шабаш
И художников голых стадо,
Ворвавшееся на пляж.

Как бешеные кентавры,
Скакали по пляжу они,
Не европейцы, а мавры.
Скульптор крикнул жене: «Догони!»

И жена, молодая датчанка,
Полотенце на бедрах связав,
Косу рыжую ртом зажав,
Как гончая на приманку

Понеслась за мужем туда,
Где кипела, сверкала, гремела,
Озверело кидалась вода
На купальщиков голое тело.

И брызги, и ветер, и зной!
По колену Евгения глядя
(Брюки шил самый модный портной),
Осторожно сказала Надя:

«Ты не снимешь их, мой дорогой?»

Муж ответил, слегка уязвлен:

«Если это – дань Элладе...»

И спиной повернувшись к Наде,
Раздеваться начал он.

Сбросив платице от Эберлинга
И шагнув из веночка белья,
Бело-розовая, как фламинго,
Надя крикнула: «Вот и я!»

Муж сказал: «Дорогая моя,
Твой купальный костюм, он тут?
Одевайся. Сюда идут».

Но не шли сюда, а бежали.
Негритянка, за ней Роже.
«Вы купаться? А мы уже».
И оба в песок упали.

Юноша, бурно дыша,
Приподнялся, глядел на даму.
(Так Ева была Адаму
Первозданна и хороша.)

И глазами ее пожирая,
Он следил, как она легко,

По раковинам ступая,
Шла, затянутая в трико.

Негритянка сказала: «Mon vieux,**
Что с тобой? Не гляди на нее».

VIII

Кто в двадцать лет безумно не влюблялся?
И сбитый с толку молодой Роже
Бродил в полях по скошенной меже,
Дичал, худел, уединялся.

«Но этот детский огорченный рот,
И эта грудь наездницы Дианы,
И этот муж, воспитанный урод!
Эстетикой набитые карманы.
Ничтожество целует недотрогу!»
Роже сорвал с досады василек,
Куснул его и бросил на дорогу,
И сам в отчаяньи ничком на землю лег.

IX

Вокруг свечи толклись и гибли мошки.
Евгений голову по-бабьи повязал
И с картами уселся у окошка.
«У этого пасьянса, – он сказал –
Замысловатая довольно схема. –
И подняв голову от карт, –
Ты знаешь, эта новая богема –
Невыносимый, в сущности, стандарт».

Молчала Надя. Думала в тоске:
«Стандарт. Так папиросы называют».
Потом к столу присела с краю
И вот что записала в дневнике:

«Понять слепому слепоту.
Понять, что я бездарна, боже!
Все волоски болят на коже
От омерзения к холсту.
А говорили, я почти что гений,
Башкирцева почти что я.

Кто говорил: Московские друзья.
Учителя, родители, Евгений.

Нет. Дело просто в том, что я богата,
Красива (надо правду говорить).
С единственной дочкой мецената
Покладистым учитель должен быть.
А мой к тому же водку любит пить.

Всю мишуру настало время сбросить
На этом диком голом берегу...
К столу избранников меня не просят.
Ну что ж! Сама отсюда убегу.
Но здесь... но так... я больше не могу.

А тут еще неистовый юнец!
Большой щенок и роковые страсти.
Я слишком замужем. И наконец,
Я слишком у иронии во власти.

Роже мне нравится. И рост его, и торс.
Его продолговатый ноготь,
И на загаре персиковый ворс,
Который пальцем хочется потрогать.
Но все это такие пустяки!
Не стоит пустяками жизнь тревожить.
Как все же мы от счастья далеки!
Как я бездарна! Боже, боже...»

[1921;1956>]

*Свидание кучеров (*фр.*).

**Старина (*фр.*)